

Лоэнлайс в последнее время почему-то увлекся тем, что стал обклеивать все вещи Мацуда Мурасаки именными стикерами, принадлежащими исключительно ей.

На ее любимом миниатюрном пистолете, на ее фляге, на ее кинжале... везде красовались аккуратные, выведенные изящным каллиграфическим почерком имяреки с именем Мацуда Мурасаки.

Мацуда Мурасаки считала это излишним: в конце концов, она ведь не из тех, кто разбрасывает вещи где попало, верно?

А вот командир находил это весьма забавным.

— Зачем ты обклеиваешь мои вещи этой ерундой?

Лоэнлайс не поднял на нее глаз; его грубые пальцы едва заметно коснулись изящных букв. Имя Мацуда Мурасаки было непросто перевести и написать на английском.

Но выводил он его аккуратно и красиво, словно какая-нибудь благородная дама, и вовсе не походил на грубого мужлана, способного на такое.

Она поймала себя на мысли, что пала жертвой собственных стереотипов.

Командир поднял голову, какое-то время молча вглядывался в нее, а затем тихо произнес:

— Тебе бывает знакомо чувство счастья?

Мацуда Мурасаки не знала, что ответить.

Счастье? Когда выживаешь в подобных условиях столько времени, никто не осмелится назвать себя счастливым.

Сюда приходят отъявленные головорезы, игроки, те, у кого не осталось родных, те, чьи сердца переполнены жадой мести.

Лицо вдруг слегка зашипало. Мацуда Мурасаки удивленно моргнула: Лоэнлайс легко ткнул ее пальцем в щеку, попав ровно в середину двух шрамов, и она почувствовала, как на кожу что-то наклеили.

Она заметила промелькнувшую в глазах командира тень уныния, но тот не дал ей времени докопаться до причин — этот простодушный мужчина тут же снова улыбнулся.

Неподалеку слышался сдавленный смешок: Лория наблюдала за ними, а ее лицо еще хранило легкий румянец от только что сорвавшегося с губ смеха.

— И что это значит? Командир, ты что, только что из детского сада сбежал?

— О, я бы с радостью! Так хочется вернуться в те времена, когда мама еще укладывала тебя спать!

Мужчина широко ухмыльнулся, но тут же получил от Лории легкий локоть в бок.

Она подошла, осторожно отлепила именной стикер с лица Мацуда Мурасаки, взяла ее за руку и медленно приклеила наклейку ей на ладонь.

Там была нарисована слегка нелепая рожица.

— Резко, но справедливо, — мысленно оценила рисунок Мацуда Мурасаки.

— А, это так уродливо? Мне казалось, вполне нормально, — командир почесал затылок и беззаботно улыбнулся.

Ой, она что, сказала это вслух?

Мацуда Мурасаки невольно улыбнулась в ответ.

На самом деле настроение у нее сегодня было паршивое. Тела погибших в недавнем бою все еще лежали там же, забрать их было некому, а товарищи уходили один за другим.

Наверняка командир просто пытался таким способом подбодрить ее.

— Очень даже эффективно, спасибо, командир. — На самом деле рожица была не такая уж и страшная, по крайней мере, рисовала она куда хуже.

Лознлайс тоже улыбнулся, хотя на душе у него по-прежнему скребли кошки; впрочем, о младших товарищах заботиться нужно было куда больше, чем о собственных переживаниях.

Женщина-боец ушла: у нее оставалась целая гора дел. Нужно было утешить близких погибших наемников и сделать все возможное, чтобы исполнить их общую мечту — вернуться домой.

Лознлайс молчал.

Мацуда Мурасаки попыталась отковырять часть наклеек. Не ходить же ей с вещами, похожими на детские игрушки из детского сада с бирками от потери — враги же засмеют до смерти.

Но глядя на следы бумажного клея, оставшиеся после сорванного стикера, она ощутила странное, гнетущее раздражение.

Командир по-прежнему стоял на прежнем месте, глядя на оставшиеся у него в руке наклейки.

Почему он вообще решил пометить ее личные вещи именными стикерами? Наверное, это было похоже на поведение отца, который видит, что его ребенок вот-вот упорхнет из гнева, и пытается удержать его крошечными, незначительными знаками внимания.

Заказчики собирались бросить этот отряд. Оставшихся людей уже не хватило бы для продолжения боевых действий.

Они превратились в пешки, от которых решили избавиться.

А его, как командира, ждала либо мучительная смерть в плену у врагов, либо отчаянная борьба до самого конца.

У него не было выбора. Но Мацуда Мурасаки — другое дело.

Когда ее привели сюда, ей было всего одиннадцать — как раз тот возраст, когда обычные дети идут в среднюю школу.

Она была слишком мала, и он просто не мог позволить этому ребенку угодить в лапы к демонам.

По крайней мере, перед собственной смертью он попытается защитить девочку по имени Мурасаки от хотя бы одного удара судьбы.

Именно так думал Лознлайс перед смертью.

Я с размаху рухнула на кровать, отчего оконные ставни глухо загремели.

От одеяния пахло солнцем — судя по всему, женщина-боец вынесла его сушиться с самого утра.

Не буду скрывать, этот сухой запах мне очень нравился: в нем не было приторной сладости, но он дарил ощущение уюта, хотя в то же время я странным образом уловила здесь нотку фальши.

Слишком странно. Это было не психологическое спокойствие, а обманчивая атмосфера вокруг, из-за которой мне казалось, будто я счастлива.

Из-за двери донесся шорох, а следом — легкий стук.

Я попыталась встать, но конечности будто намертво прилисли к матрасу и отказывались слушаться.

Волна паники змейкой проползла по позвоночнику прямо в голову, смешиваясь с капелькой странного предвкушения.

Вскоре в комнату кто-то вошел. Воздух пропитался едва уловимым запахом крови.

Гостя была в белом халате, с ног до головы испачканном ослепительно-алыми пятнами, словно ее окунули в кровь целиком.

Ее жалкий вид напоминал человека, сорвавшегося с большой высоты и разбившегося в лепешку. Кажется, я догадывалась, кто это.

Враг, истекая кровью из всех ран, волоча тело, нашла меня.

Она не стала мне мешать, а просто медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к изголовью кровати.

На стене остался длинный, режущий глаз кровавый след. Я широко раскрытыми глазами тупо смотрела на Лейли: казалось, она не замечала, что я не сплю, или же ей было абсолютно все равно.

Она сидела на полу.

Рядом слышалось шуршание одежды, и холодные пальцы Лейли коснулись моего лица. В тишине комнаты отчетливо прозвучал тихий, болезненный хрупкий скрип костей, а на мою кожу соскользнули холодные капли.

Кровь? — отрешенно подумала я.

Она бормотала что-то себе под нос, долго произнося слова едва слышным шепотом. Голос ее оставался мягким, но в нем проступала какая-то зловещая нотка.

— Я так устала... Ты опять похудела?.. Ты ведь наверняка опять нормально не ешь...

— Кажется, я совершила ошибку...

— Мурасаки... Ты мне так нравишься. Мне нравится твое лицо, нравится все в тебе от макушки до пят...

— Я правда так боюсь... Человек вроде меня... может искупить вину лишь скальпелем...

— Ты сердишься, что я ушла без спроса?

— Как же хочется, чтобы ты осталась здесь навсегда... Хочется вечно смотреть на тебя...

Она говорила урывками, и голос ее звучал словно истонченный ветром потрепанный мешок, а дыхание было настолько слабым, казалось, оно готово оборваться в любой момент.

Прикосновения к моему лицу не прекращались.

Лейли прижалась к краю кровати, не мигая глядя на меня, и в ее сапфирово-синих глазах отражалось мое лицо.

Одна за другой горячие капли падали мне на глазницы.

Она попыталась стерть кровь и слезы с моего лица, но сколько бы ни вытирала, ослепительно-красного и слез становилось только больше.

Она засуетилась, охваченная паникой.

— Ох... не стирается... Я и правда ни на что не годжусь...

Слезы непрерывным потоком катились по моим щекам, а пальцы, стиравшие их, казалось, постепенно обретали тепло, заставляя меня инстинктивно сжать ладонь в кулак, пытаюсь удержать это тепло здесь.

Я забыла.

Лейли мертва.

Она умерла прямо у меня на глазах.

Женщина-боец тоже мертва.

Больше некому высушить для меня одеяло.

Слезы, струившиеся по моему лицу, принадлежали не мне — это Лейли роняла их одну за другой, полные горькой обиды. Они тяжелым грузом падали на мои внутренности, и эта тупая, нескончаемая боль разрывала мне сердце.

— Тебе пора уходить... Скоро ты проснешься... Это в последний раз.

Силуэт передо мной начал расплываться в тумане, влажная дымка заволокла глаза, и я крепко-крепко зажмурилась.

Наконец из глаз выдавилась пара слезинок, но в груди зияла пустота, будто кусок сердца вырвали с мясом.

Сон наконец рассеялся.

Я смогла сесть на кровати, а пот, выступивший на спине, продолжал покалывать кожу. Пожалуй, в этот момент жалко выглядела именно я.

<http://bllate.org/book/21192/2145561>